

ВЫВОД

В исследованной ситуации существует следующее неравенство: $I_{\text{пот}} > I_{\text{на}}$ ($0,45 > 0,35$), т. е. Могилевская область не использует имеющиеся ресурсы и возможности в полном объеме для наращивания инновационной активности и поэтому отстает от инновационно развитых регионов. Это в свою очередь свидетельствует о том, что в Могилевской области существуют предпосылки для более интенсивного развития инноваций на материально-технической базе существующих производств. Имеющиеся ресурсы позволяют этого достичь также

Кроме этого, фактором положительной динамики инновационных процессов может слу-

жить наращивание потенциала. Могилевская область имеет резервы, в частности, по росту научно-технического и производственного потенциала. Увеличение этих составляющих даст региону возможность выйти на новый качественный уровень инновационного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Наука**, инновации и технологии в Республике Беларусь 2005: стат. сб. / подг. В. Н. Тамашевич [и др.]. – Минск: ГУ БелИСА, 2006. – 204 с.

2. **Регионы** Республики Беларусь 2006: стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – 794 с.

Поступила 25.05.2007

УДК 330.342.151

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ДИСКУССИИ

Канд. экон. наук., доц. КОВАЛЕВ А. В.

Белорусский национальный технический университет

Всякий раз, услышав или прочитав об очередных успехах белорусской экономики, следует задать себе два важных вопроса: «А могла ли иная экономическая политика (шире – экономическая идеология) привести к еще более впечатляющим результатам?» и «Произойдут ли количественные и качественные (выражающиеся в том числе в снижении цен) изменения в моем индивидуальном благосостоянии при достижении экономикой очередных прогнозных показателей, и насколько эти изменения соответствуют моим желаниям как потребителя?».

Наследованный от социалистического прошлого этатистско-патерналистский подход в долгосрочном периоде не может обеспечить устойчивость экономического развития. Между тем в стране существует громадный пласт лю-

дей, которые являются бенефициарами от сохраняющегося положения – коллективы дотационных государственных предприятий; предприятия различных форм собственности, реализующие свою продукцию за бюджетные деньги; разного рода чиновники, распределяющие бюджетные деньги, «управляющие» предприятиями из министерств и ведомств, составляющие планы экономического и социального развития; научные сотрудники, осуществляющие помощь в составлении вышеуказанных планов; журналисты и ученые – одни ярко и публицистично, вторые – строго и на научной основе доказывающие необходимость сохранения status-quo. Система воспроизводится – и только лишь когда неуспехи становятся очевидными, «политической волей» принимается решение отказаться от дотаций какому-либо предприя-

тию, а то и сектору экономики*. Впрочем, высвобождение средств не означает сокращения бюджетных расходов и соответственно налогов – средства перераспределяются на другие направления расходования...

В экономической науке прошлого столетия произошла длительная дискуссия о возможности эффективного планирования при социализме (в системе, где отменена частная собственность на средства производства**). Дискуссия велась на (русском, немецком, английском языках), в различном составе участников – иногда результаты и мнения из одной страны перекочевывали в другую – и в ходе споров австрийская школа в лице Л. Мизеса и Ф. Хайека выстроила убедительное теоретическое доказательство невозможности эффективного планирования в общественном масштабе. К сожалению, аргументы эти не слишком известны в нашей стране ни полисемейкерам, ни даже экономистам-теоретикам***.

В настоящей статье представлены история дискуссии, аргументация сторон, разъяснены причины распространения общепринятого взгляда о поражении «австрийцев».

Датировка дебатов. Наиболее распространенная датировка дискуссии открывает ее статьей Л. Мизеса [3] и заканчивает хайековской

* Свежие примеры – заявленное сокращение наполовину дотаций сельскому хозяйству и создание на базе ОАО «Горизонт» совместного предприятия.

** То, что в Беларуси существует негосударственный сектор экономики, не отменяет актуальность рассматриваемой проблемы: «Не имеет решающего значения, осуществляется ли социализм посредством формального перехода собственности на средства производства государству... или социализация состоит в том, что... правительство решает, что и как должно производиться, кому продаваться и по какой цене...» [1, гл. 2, п. 1]. Государственное вмешательство в ценообразование, «планерки» в районных администрациях с частными сельскохозяйственными производителями, запрет частным предприятиям на работу без прибыли – все это свидетельствует о грандиозном вмешательстве государства в экономическую систему.

*** Изучение трехсеместрового курса «Истории экономических учений» не включало раздела о данной дискуссии. Изданный шеститомник «Всемирной истории экономической мысли» [2] при рассмотрении данной страницы истории науки изобилует как фактологическими ошибками (например, датируя книгу Мизеса «Социализм» 1936 г. вместо 1922 г.), так и ангажированной расстановкой акцентов в дискуссии.

критикой [4] «конкурентного решения» О. Ланге [5] в 1940 г. Впрочем, появившиеся в последнее десятилетие работы представителей «австрийской» школы [6, 7] доказывают необходимость расширить временные рамки дискуссии от мизесовской «Теории денег и кредита» 1912 г. до его же «Человеческой деятельности» [8] 1949 г., включая важные работы Хайека 1940-х гг. «Дорога к рабству» [9], «Использование знания в обществе», «Смысл конкуренции».

Мы разделяем «расширительную трактовку» окончания дискуссии, поскольку именно в результате четко сформулированных возражений социалистам Хайек построил свою концепцию «рассеянного» знания с упором на рыночный процесс (вплоть до 1970-х гг.), а Мизес вывел проблему расчета в качестве основы всей человеческой деятельности как проблему соизмеримости вариантов использования разнородного капитала в производстве различных потребительских благ.

Что касается начала эпизода, то «Теория денег и кредита», безусловно, заложила австрийское понимание сущности денег и снабдила сторонников весомыми аргументами в будущей дискуссии, основанными на идее именно «денежного расчета», но вряд ли данная работа может рассматриваться как некое послание интеллектуальному сообществу, направленное именно как возражение социалистам. В таком случае дискуссия должна быть возведена в XIX в., поскольку в основополагающей для австрийской школы работе Менгера заложены теоретические корни аргументов о невозможности эффективного планирования в масштабах общества. Именно в «Основаниях...» находим и идею постепенного освоения «рассеянного» знания [10, с. 58–59], и идею невозможности учета ресурсов с точки зрения «условий места и времени» [10, с. 72–73], и «фикцию общественной цели», когда народ представлен в виде единого экономического субъекта [10, с. 93], и необходимость хозяйственного, а не технологического подхода к классификации товаров [10, с. 133].

Критика Л. Мизеса начала 1920-х гг. В опубликованной статье об экономическом расчете (1920) и книге «Социализм» (1922) Мизес «в такой форме сформулировал главную

проблему социалистической экономики, чтобы она никогда больше не исчезала из дискуссий»: неспособность рационального распределения ограниченных ресурсов из-за невозможности экономического расчета [11, с. 146].

Аргументацию Мизеса можно представить следующим образом. В социалистическом обществе сохраняется проблема редкости и необходимость рационально распределить имеющиеся сегодня ресурсы для максимально-го удовлетворения завтрашних потребностей. В развитой экономике «процессы производства столь многочисленны и столь продолжительны, а условия достижения успеха столь многообразны, что для решения, стоит ли приниматься за дело, нужны тщательные расчеты» [12, с. 78]. Для расчетов нужны некие мерные единицы. Субъективная ценность благ не может быть измерена. В экономике, основанной на обмене, мерной единицей выступает меновая ценность, выражаемая в деньгах. Денежные вычисления используются ради контроля экономичности использования ресурсов.

Чтобы денежная калькуляция стала возможной, необходимо, чтобы существовал рынок как конечных потребительских благ, так и благ высших порядков, и чтобы существовали деньги: «Предположение, что социалистическое общество может вместо денежных расчетов использовать расчеты в натуральных показателях, совершенно иллюзорно. В обществе, которое отказалось от обмена, расчет в натуральных показателях способен охватить разве что потребительские блага. Такой расчет непригоден там, где замешаны блага более высокого порядка. Как только общество отказывается от установления свободных цен на производственные блага, рациональная организация производства делается невозможной» [12, с. 80–81].

В условиях частной собственности на средства производства шкала ценностей является результатом действий каждого независимого члена общества. Все блага высших порядков ранжируются и направляются в те сферы производства, продукты которых соответствуют требованиям общества. В результате возникает система цен. При социализме все это отсутствует. Управляющие экономикой могут знать потребности в благах, но с оценкой имеющихся

возможностей производства они справиться не в состоянии.

Даже если социализм будет использовать деньги для обмена потребительских благ, но цены различных ресурсов, включая труд, в деньгах не будут выражены, то «социалистическое общество будет пребывать в состоянии постоянного недоумения. Оно примет решение "за" или "против" предложенного проекта и издаст декрет. Но такое решение в лучшем случае будет основано на туманных оценках» [12, с. 83].

Не решают проблему и разрешение обмена между подразделениями единого хозяйства, создание некой обособленности предприятий. Без частной собственности обмен не приведет к формированию системы цен, отражающих редкость ресурсов: «Нельзя отделить рынок и его функционирование в качестве механизма установления цен от жизнедеятельности общества, основанного на частной собственности... движущей силой процесса, который порождает рыночные цены на факторы производства, является неустанное стремление части капиталистов и предпринимателей к максимизации прибыли за счет удовлетворения желаний потребителей... Рынок... является фокусом капиталистического общества; в нем сущность капитализма» [12, с. 93].

Также не решается проблема и если «руководители различных производственных единиц научатся действовать как если бы они были предпринимателями в капиталистическом обществе, а единственным различием будет то, что при социализме результаты труда управляющих достанутся обществу, а не держателям акций». Проблема экономического расчета не сводится к вопросам текущего управления; главный вопрос – в необходимости перераспределения капитала из одних производственных цепочек в другие. Эти вопросы решают не менеджеры, а капиталисты, принимающие решение кому доверить свой собственный капитал. На рынок факторов производства воздействуют не только производители, но и предложение капитала: «Социалист склонен предложить, чтобы социалистическое государство как владелец всего капитала и всех средств производства просто направляло капитал туда, где ожидается наибольшая прибыль» [12, с. 94]. Но в таком случае капитал получают наиболее

рискованные управляющие, а более осторожные останутся с пустыми руками. Отсюда следует, что «социалистическое общество не может не передать распоряжение капиталом в руки государства... это означает устранение рынка, что, собственно, и является основной целью социализма» [12, с. 95].

Что касается практического осуществления социализма в России, то фактором, обеспечившим на некоторое время возможность расчета, стало наличие капиталистического окружения, где формируются цены на средства производства, которые правительство большевиков и закладывает в калькуляции.

Возражения Мизесу велись по двум направлениям: во-первых, «были люди, думавшие, что потери в эффективности... будут не слишком высокой ценой за осуществление более справедливого распределения», во-вторых, критика Мизеса считалась обоснованной только в отношении определенной (безденежной) формы социализма [11, с. 148–149].

Оставляя в стороне первый, «этический» аргумент (хотя далеко не факт, что уравнильное распределение справедливее рыночного), на вопросе адекватности формы социализма хочется остановиться подробнее.

К моменту совершения большевиками социалистического переворота в теории социализма не был разработан раздел о механизме функционирования социалистической экономики: «То, что люди десятилетиями могли писать и говорить о социализме, даже не затрагивая эту проблему [экономического расчета], показывает только, сколь разрушительно было влияние запрета, наложенного Марксом на научное исследование природы и функционирования социалистической экономики» [12, с. 91]. Вместе с тем была четко определена цель социальной революции – «замена товарного производства социалистическим» [13], а поскольку товарное производство предполагало существование обособленных товаропроизводителей, то достигаться подобная цель должна уничтожением частной собственности на средства производства, организацией учета и контроля над всеми предприятиями и организацией распределения продуктов, идущих на общественное потребление «непосредственно, а не через рынок».

Практика социалистического строительства также подтверждает первоначальное намерение построить безденежную экономику, элементами политики которой были «форсированная национализация промышленности; жесткая централизация управления промышленностью; продразверстка в сельском хозяйстве; высокая степень натурализации хозяйственных связей; трудовая повинность; уравнильное распределение» [14, с. 31]. При этом факторами, обусловившими натурализацию отношений, были не только расстройство финансово-кредитной системы, но и «широкое распространение идей безденежного хозяйства» [14, с. 35]. На построение безденежной системы были направлены и Декреты Совнаркома от 02.04.1918 «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок», по которому губернские и областные продовольственные органы передавали промышленные товары уездам для распространения между волостными и районными объединениями крестьян, и от 21.11.1918 «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления» [15, с. 18–28]. Проект программы РКП (б), принятый на VIII съезде в 1919 г., ставил задачу «продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов, стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготавливающих уничтожение денег» [16, с. 427]. В июне 1920 г. ВЦИК принимает резолюцию по докладу Наркомата финансов, в которой деятельность по «установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы» признается «в основном соответствующей основным задачам хозяйственного и административного развития» [17]. Такую же безденежную систему «военного коммунизма» пытались выстраивать и венгерские социалисты в 1919 г.

Таким образом, изначально социализм задумывался и осуществлялся его авторами и реализаторами именно как «бестоварная, безденежная экономика», а потому обвинение Мизеса в недооценке использования товарно-денежных отношений [2, с. 534] носит определенную степень лукавства. Наоборот, осознание большевиками невозможности организации прямого «продуктообмена» привело их к видо-

изменению практических форм осуществления социализма. Впрочем, аргументы Мизеса, как будет видно ниже, оказались действенными и для других форм социализма.

Вклад Хайека в дискуссию в 1930-е гг.

Сила аргументов Мизеса заставила сторонников социализма создавать альтернативные теоретические построения социализма, неуживимые для предыдущих возражений.

Ф. Тэйлор [18] и Г. Д. Диккинсон [19] попытались доказать, что если предположить полное знание всех необходимых данных, то ценность и объем производства можно было бы определить таким же путем, каким неоклассическая экономическая теория определяет состояние равновесия (т. е. решить систему уравнений спроса и предложения в Вальрасовском духе). Хайек выступил издателем сборника о планировании [20], в который вошли работы самого Ф. Хайека [11, с. 21], Л. Мизеса [3], а также Н. Пирсона, еще в 1902 г. ясно описавшего проблему соизмеримости при принятии решений в планировании, Э. Бароне, составившего в 1908 г. подобную систему уравнений, и Г. Хальма. В своем ответе социалистам Хайек не стал отрицать логическую возможность такого определения цен, поставив под сомнение лишь практическую осуществимость проекта. Проблема, по его мнению, заключается в характере и объеме информации, необходимой для составления уравнений, и осознании масштаба задач. Центральному аппарату планирования придется вникать в мельчайшие подробности каждого бизнеса, каждой технологии, поскольку каждая единица оборудования имеет совершенно отдельную полезность, а значит, должна расцениваться «не как единица из класса физически одинаковых объектов, а как индивидуальный экземпляр», потому даже чисто статистически задача представляется невероятной. Следующая проблема – необходимость концентрации всего заявленного знания в голове того человека, который будет формулировать уравнения, что, по мнению Хайека, абсурдно. Наконец, прошлый опыт не в состоянии определить важность различных потребительских товаров – изменение вкусов потребителей потребует пересмотреть системы уравнений, изменение отдельной цены повлечет за собой изменение (причем в разной сте-

пени, в зависимости от эластичности спроса, заместимости, условий производства) сотен других цен – и такая постоянная смена приказов центральной власти просто невозможна практически [21, с. 155–158].

Когда стало ясно, что свободный выбор потребителя и централизованное планирование несовместимы, некоторые наиболее радикальные социалисты типа М. Добба [22] призвали отказаться от свободы потребительского выбора ради возможности осуществления социализма! Проблема бы, конечно, упростилась, но условиям ведения производства свойственна не меньшая изменчивость.

Попытки вкрапления в схему конкурентных рынков, в том числе средств производства, позволили Хайеку остроумно поставить проблему: «Будет ли это социализм? Имеет ли такая система отношение к планированию?». И если на первый вопрос ответ у автора скорее положительный, то на второй – явно отрицательный. При этом подобная конкурентная социалистическая система не могла бы функционировать эффективнее капиталистической, поскольку невозможно определить критерии оценки эффективности деятельности того или иного менеджера, поскольку собственник средств производства (государство) должно было бы все равно принимать на себя все риски в экономике при предоставлении ресурсов тому или иному предприятию: «предполагать, что можно создать условия полной конкуренции, не заставляя тех, кто отвечает за принятие решений, платить за свои ошибки – чистейшая иллюзия» [21, с. 173].

Ф. Хайек не заявил в отличие от Л. Мизеса о невозможности социализма и дал повод еще одному витку дискуссии.

В опубликованной О. Ланге в 1936–1937 гг. статье в журнале *The Review of Economic Studies* (позже переизданной в [5], в который также была включена статья Ф. Тэйлора [18]) и книге Г. Д. Диккинсона [23] была предложена усовершенствованная модель «конкурентного» социализма, что подвигло Хайека на ответ в виде статьи в журнале *Economica* в 1940 г., позже переизданной как [4].

Ланге и Диккинсон предложили решить проблему экономического расчета (определения ценности благ) посредством конкуренции,

но не позволяют рынку напрямую определить систему цен, а возлагают данную миссию на центральный планирующий орган (называют его по-разному, мы для удобства будем именовать его Госплан), при этом движение к равновесным ценам будет осуществляться методом проб и ошибок. Госплан предусматривается всезнающим и всемогущим, практически мгновенно меняющим цену до равновесной: объявляются цены на ресурсы, предприятия делают заявки – и начинается процесс ценовой корректировки для устранения неравновесных количеств.

С точки зрения Хайека, в предложенной модели очень много узких мест. Во-первых, предложенная система доказывает, что у лидеров социалистов-экономистов произошел отказ от идеи превосходства плановой системы над конкурентной в деле управления экономикой. Во-вторых, предложенный метод установления цен не является эффективным, поскольку:

- постоянно меняющиеся условия не позволят Госплану реагировать адекватно быстро («проблема не в том, приведет ли какой-нибудь метод к гипотетическому равновесию, а в том, какой метод обеспечит более быстрое и полное приспособление к ежедневно меняющимся условиям» [4, с. 183]);
- невозможно определить цены для нестандартизированных товаров;
- цены на товары будут «выпускаться» в конце производственного периода и на непонятный с точки зрения планирования издержек срок;
- неясно, каким образом мыслится самостоятельная производственная единица – ее размер, выбор руководителя и т. п.;
- не решена проблема распределения капитала длительного пользования;
- равная зарплата в разных отраслях при изменении спроса на готовую продукцию планируется к обеспечению мощным механизмом пропаганды, который развернет спрос в общественно полезном направлении;
- абсолютно неясны принципы функционирования планируемого к сохранению частного сектора.

Впрочем, как и в предыдущем раунде дискуссии, Хайек не расставил все точки над «i»: он не говорит о невозможности социализма, хотя и ставит под сомнение возможность соче-

тания даже конкурентного социализма с сохранением политических свобод – он просто изящно замечает, что анализируемые «книги настолько неортодоксальны с социалистической точки зрения, что заставляют задуматься, не осталось ли у их авторов слишком мало от традиционных побрякушек социалистической аргументации, чтобы сделать их предложения приемлемыми для социалистов» [4, с. 200]. Изящность пошла в ущерб однозначности – несказанная Хайеком фраза «Да не социализм вовсе то, что предлагают Диккинсон и Ланге!» стоила «австрийской школе» на долгие годы реноме проигравших в дебатах.

Дополнительные аргументы Хайека в 1940–1960-е гг. Впрочем, благодаря вовлечению в дискуссию и необходимости искать выражения социалистам, Хайек сконцентрировался на проблеме использования знаний в обществе. Основные идеи данной концепции были заложены им еще в [24] в 1937 г., а в [25] (1945) базовые аргументы Хайек обратил и против социалистического планирования.

Формальный равновесный анализ неоклассической экономической теории может что-либо сказать о причинных связях в реальном мире, только ответив на вопрос о том, как приобретаются и передаются знания. Если для достижения равновесия необходимо, чтобы все люди следовали неким заранее разработанным планам, то, во-первых, надо, чтобы все планы были составлены в ожидании одного и того же ряда внешних событий, что само по себе нереально. Кроме того, любая перемена, заставляющая человека пересмотреть план (и эта перемена происходит в режиме реального времени, а не итерационно!), подрывает равновесное отношение между действиями, которые человек осуществлял до и после этого изменения знаний. Индивидуальные наборы субъективных данных различны – и никак нельзя говорить о некоем объективном знании, поскольку оно никому не дано одновременно в полном объеме*. Таким образом, можно говорить только о тен-

* В этой связи весьма интересным представляется и затронутый Хайеком вопрос о том, что издержки производства не могут быть подвергнуты объективизации – у каждого предпринимателя они субъективны (opportunity costs). С таких же позиций Р. Коуз критикует теорию общественного благосостояния А. Пигу.

денции к равновесию – и оно может быть достигнуто только в том случае, когда любое событие становится одновременно известно всем участникам рынка, которые отреагируют на него одинаково! Но знание распространяется постепенно, возникает проблема разделения знания – и «движение к равновесию» может осуществляться только методом проб и ошибок, когда каждый человек корректирует свои ожидания и действия на основе вновь получаемого знания.

Обращаясь к вопросу о создании рационального экономического порядка, Хайек указывает, что главная проблема, которую невозможно решить, – это то, что «знание обстоятельств... никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречащих знаний... индивидов» [25, с. 89]. Научное знание не является суммой всех знаний, существует масса важного, но неорганизованного знания – «знание особых условий времени и места», доступных менеджеру в целях постоянной борьбы за снижение издержек, за лучшее удовлетворение чаяний потребителя [25, с. 91]. Такое знание является важным ресурсом каждого отдельного предпринимателя – т. е. система централизованного планирования просто не знает имеющегося в обществе объема ресурсов, ибо такая разновидность знания не может схватываться статистикой! В рыночной экономике знание передается через систему цен, позволяющую скоординировать разрозненные действия отдельных лиц. Но развиться такая система цен может только как результат действий миллионов людей, независимо от их желания и воли – и потому истинная проблема «в том, как сделать сферу нашего пользования ресурсами шире сферы, подконтрольной чьему бы то ни было разуму... и обойтись без необходимости сознательного контроля» [25, с. 98].

Последним камнем в фундаменте концепции явилась идея о том, что преимущества конкурентного рынка связаны с существованием самого рынка и не могут рассматриваться в неких «суррогатных социалистических рынках», предлагавшихся Ланге. Знание «обстоятельств места и времени», требуемое для рационального экономического расчета, возникает в рыноч-

ном процессе. Конкуренция есть процедура открытия рассеянного знания.

Другим вкладом в критику социализма стала «Дорога к рабству» (1944), где Хайек в качестве экономической сущности социализма определяет отсутствие частной собственности и замену частного предпринимательства системой плановой экономики. Такая экономическая система будет неизменно приводить к неспособности своевременно реагировать на изменяющиеся запросы потребителей (ибо власти не смогут иметь абсолютную и исчерпывающую систему ценностей) – и власти будут устанавливать прямой контроль как над сферой потребления, так и над сферой производства – а это прямой путь к тоталитаризму. Социализм не осуществим ни в каких иных гипотетических формах, кроме тех, в которых он фактически осуществляется. Выбор между децентрализованной конкуренцией и централизованным планированием – это выбор между свободой и рабством.

Выводы для «австрийцев» из дискуссии.

Не взирая на аргументированность позиции Мизеса и Хайека, с 1940-х г. утвердилось мнение о том, что «австрийцы» потерпели поражение в дискуссии: «Господствующая тенденция приняла логическую неопровержимость плана Ланге и рассматривала критику Хайека как “второстепенную сложность”, которая не влияет непосредственно на возможность социализма» [26, с. 483]. При этом сами сторонники австрийской школы всегда гордились участием в дебатах и считали Мизеса и Хайека победившей стороной, а генерированные дискуссией идеи – катализатором «современного австрийского взгляда на рынок как конкурентно-предпринимательский процесс открытия» [27, с. 1].

Причины сложившегося в мейнстриме в то время мнения имеют под собой объективные и субъективные причины. Существование социалистической системы в СССР доказывало возможность наличия социализма, «не взирая» на утверждение Мизеса, что социализм невозможен. Но Мизес имел в виду невозможность безденежного социализма (что подтвердилось практикой социалистического строительства) и экономического расчета, которая в долгосрочном плане искажает деятельность экономиче-

ской системы и ведет к ее неэффективности (что, собственно, тоже подтвердилось). Социализм как таковой, безусловно, возможен – любую политику можно испробовать, вопрос лишь в том, насколько результаты ее осуществления будут соответствовать изначальным целям. Таким же образом можно поставить ответный вопрос: «А возможна ли на практике та “замечательная” конкурентная схема, которую предложил О. Ланге?» Почему реальный социализм ничего не взял из «выигранной» дискуссии? Почему сам Ланге, став председателем Экономического Совета польского правительства в 1960-е гг., не попытался реализовать предложенные идеи?

Главной же субъективной причиной, на наш взгляд, являлось постоянное мимикрирование «социалистов». Данный тезис подтверждает отказ от рассмотрения социализма как безденежной экономики, после чего Ланге заявил, что раз противники в дискуссии дополняют свои старые аргументы новыми (разработанными против разработанных «социалистами» в ответ на прежнюю критику новых схем социализма!), то «они уступили в главном вопросе... и отступили на вторую линию обороны!» С ног на голову! Точно так же Ланге представляет читателю, что «идея того, что ценности нужно и можно определять с помощью методов математической экономики... есть злобредное изобретение критиков с целью высмеять усилия современных социалистических авторов», а не предложенный самими социалистами способ [4, с. 179].

Наконец, критику «недостаточности данных» так и не поняли экономисты-неоклассики. Г. Д. Диккинсон в 1966 г. говорил о том, что «дискуссия не дала крупных теоретических результатов... и носила бесплодный характер» [2, с. 542]. О. Ланге незадолго до смерти в 1965 г. говорил, что сегодня его задача упростилась бы – все уравнения просто загрузили бы в электронную машину, а она просчитала бы равновесные значения [28, с. 71].

«Социалисты» так и не поняли значения теории рыночного процесса «австрийской» школы: рынок и система цен есть не просто механизм передачи знания, он есть источник возникновения «хозяйственного» (в противовес технологическому) знания! Чем быстрее про-

зойдет осознание данной концепции среди экономистов и «экономических политиков», тем интенсивнее мы начнем отказываться от тех инструментов государственного вмешательства, которые искажают относительные цены и мешают эффективному распределению ресурсов. Как метко заметил Л. Мизес, ключевым институтом, отличающим рыночную систему от социализма, является рынок ценных бумаг [28, с. 59], на котором миллионы разрозненных решений точнее и эффективнее распределяют капитал, чем любой государственный чиновник, которому не известна ни шкала ценности, ни объем ресурсов.

Последние работы представителей «австрийской» школы [29] переоценивают итог дискуссии о возможности экономического расчета при социализме с точки зрения изменения общего подхода к оценке результатов научных дискуссий.

ВЫВОД

Весьма интересными и перспективными направлениями развития рассмотренной темы являются анализ общностей и различий в подходах к доказательству невозможности экономического расчета при социализме у Л. Мизеса и Ф. Хайека и переоценка дискуссий 1920-х гг. в СССР в преломлении к дебатам об экономическом расчете, что может стать темами отдельных статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мизес, Л. Либерализм / Л. Мизес. – М.: Социум, 2001.
2. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. – Т. 4: Теории социализма и капитализма в межвоенный период. – М.: Мысль, 1990. – С. 427–430, 532–542.
3. Mises, L. Economic calculation in the Socialist commonwealth, republished in Hayek, F.A. von. / L. Mises // Collectivist Economic Planning, London: George Routledge & Sons.
4. Хайек, Ф. А. фон. Экономический расчет при социализме (III): конкурентное «решение» / Ф. А. Хайек фон // Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.
5. Lange, Oskar. On the Economic Theory of Socialism, in Benjamin E. Lippincott, ed. On the Economic Theory of Socialism / Oskar Lange. – New York: Augustus M. Kelley, 1970. – P. 57–143.
6. Boettke, Peter J. Economic Calculation: The Austrian contribution to Political Economy. Laissez-Faire, a magazine

by Universidad Francisco Marroquin, September, or [www.econ.nyu.edu/user/boettke/calculate.htm Электронный ресурс. Режим доступа свободный].

7. **Horwitz, S.** Monetary calculation and Mises's Critique of Planning / S. Horwitz. – History of Political Economy. – V. 30.

8. **Мизес, Л.** Человеческое действие: трактат по экономической теории / Л. Мизес. – Челябинск: Социум, 2005.

9. **Хайек, Ф. А. фон.** Дорога к рабству / Ф. А. Хайек фон. – М., 1992.

10. **Менгер, К.** Основания политической экономии / К. Менгер // Австрийская школа в политической экономии. – М.: Прогресс, 1984.

11. **Хайек, Ф. А. фон.** Экономический расчет при социализме (I): характер и история проблемы / Ф. А. Хайек фон // Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.

12. **Мизес, Л.** Социализм: экономический и социологический анализ / Л. Мизес. – М.: Catallaxy, 1994.

13. **Ленин, В. И.** Замечания на первый проект программы Плеханова / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 6. – С. 199.

14. **Богомазов, Г. Г.** Формирование основ социалистического хозяйственного механизма в СССР в 20–30-е годы / Г. Г. Богомазов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983.

15. **Малафеев, А. Н.** История ценообразования в СССР (1917–1963) / А. Н. Малафеев. – М.: Мысль, 1964.

16. **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1953. – Ч. 1.

17. **Известия ВЦИК.** – 1920 – 20 июня.

18. **Taylor, Fred M.** The Guidance of Production in a Socialist State / Fred M. Taylor // American Economic Review. – 19 (March 1929).

19. **Dickinson, H. D.** Price Formation in a Socialist Community / H. D. Dickinson. – Economic Journal. – 43. – № 170 (June). – P. 237–250.

20. **Hayek, F. A. von.** Collectivist Economic Planning: Critical Studies On the Possibility of Socialism / F. A. Hayek. – London: George Routledge & Sons.

21. **Хайек, Ф. А. фон.** Экономический расчет при социализме (II): состояние дискуссии / Ф. А. Хайек фон // Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.

22. **Dobb, M.** Economic Theory and the Problem of Socialist Economy / M. Dobb // Economic Journal, 43. – № 172 (December). – P. 588–598.

23. **Dickinson, H. D.** Economics of Socialism / H. D. Dickinson. – Oxford.

24. **Хайек, Ф. А. фон.** Экономическая теория и знание / Хайек, Ф. А. фон // Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.

25. **Хайек, Ф. А. фон.** Использование знания в обществе / Хайек, Ф. А. фон // Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.

26. **Vaughn, Karen I.** The socialist calculation debate / Karen I. Vaughn // The Elgar Companion to Austrian Economics. – 1996. – Ed. by P. Boettke. – P. 478–484.

27. **Kirzner, I.** The Economic Calculation Debate: Lessons for Austrians / I. Kirzner // Review of Austrian Economics. – 2. – P. 1–18.

28. **Rothbard, Murray.** The End of Socialism and Calculation Debate: Revisited // Murray Rothbard // Review of Austrian Economics, 5. – № 2. – P. 51–76.

29. **Block, W.** Internal vs. external explanations: a new perspective on the history of economic thought [Electronic resource] / W. Block, C. Westley, A. Padila // Mode of access: <http://www.mises.org/journals/scholar/block14.pdf>

Поступила 20.10.2007

УДК 658.7

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Аспиранты ЦАРЕНКОВА И. М., ШАБАН САЛЕХ АЛЬ-САРКОЛ,
канд. экон. наук КИСЕЛЬ Т. Р.*

Белорусский национальный технический университет

Экономические реформы, проводимые в стране, стали серьезным импульсом для развития дорожного строительства. За последние 15 лет протяженность автомобильных дорог Республики Беларусь выросла в 1,7 раза. По прог-

нозным оценкам, численность транспортных средств к 2015 г. составит около 4 млн автомобилей [1]. Постоянно увеличивается доля тяжелых и крупногабаритных транспортных средств с нагрузкой на одиночную ось более 10 т. Так